

18+

Оксана Филатова

**Психопрофилактика
виктимогенного
поведения
женщин**

Монография

Оксана Филатова
Психопрофилактика
виктимогенного поведения
женщин. Монография

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=58858774

ISBN 9785005145710

Аннотация

В представленной работе дан детальный анализ основных причин виктимизации современных женщин. На основе многолетнего клинического и консультативного опыта автором представлена типологическая характеристика женщин с отягощенным виктимологическим анамнезом. Даны рекомендации по системной профилактической работе, включающей как обучение матерей правильному, гармоничному воспитанию девочек, так и меры предупреждения повторной виктимизации женщин-потерпевших.

Содержание

Оглавление	6
Вступление.....	7
4	
Глава 1. Понятие виктимности	8
История виктимологического	8
учения.....	5
Глава 2. Неправильное воспитание девочек	9
Глава 1	12
ПОНЯТИЕ ВИКТИМНОСТИ	12
ИСТОРИЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО	13
УЧЕНИЯ	
Глава 2	40
НЕПРАВИЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ	40
ДЕВОЧЕК	
КАК ПРЕДИКТОР ИХ ВИКТИМИЗАЦИИ	41
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Психопрофилактика виктимогенного поведения женщин Монография

Оксана Филатова

© Оксана Филатова, 2020

ISBN 978-5-0051-4571-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

В представленной работе дан детальный анализ основных причин виктимизации современных женщин. Описаны эмоционально-поведенческие паттерны, характерные для лиц женского пола, склонных к гипервиктимному поведению, как в рамках семьи, так и в различных социальных ситуациях. На основе многолетнего клинического и консультативного опыта автором представлена типологическая характеристика женщин с отягощенным виктимологическим анамнезом; систематизированы деструктивные личностные качества потенциальной жертвы, их связь с типом семейного сценария и перенесенными кризисными ситуациями. Да-

ны рекомендации по системной профилактической работе, включающей как обучение матерей правильному, гармоничному воспитанию девочек, так и меры предупреждения повторной виктимизации женщин-потерпевших.

Монография может использоваться при подготовке к занятиям студентами-психологами, аспирантами, преподавателями психологических и педагогических специальностей; также она может представлять интерес для практикующих специалистов в области кризисной психологии.

© Филатова О. А., 2020

Оглавление

4

Глава 1. Понятие виктимности

История виктимологического ения.....

Глава 2. Неправильное воспитание девочек

как предиктор их виктимизации.....	18
------------------------------------	----

Глава 3. Психологический портрет женщины-жертвы.....	35
--	----

Глава 4. Ситуации насилия: их характеристика и роль женщин-потерпевших в их возникновении, жизнеопасности и разрешении.....	44
---	----

Глава 5. Синдром «эмоционального выгорания» в профессиональной деятельности как фактор, способствующий виктимизации.....	81
--	----

Глава 6. Психотерапия жертв насилия.....	84
--	----

Глава 7. Психопрофилактика формирования виктимогенности.....	103
--	-----

Заключение.....	
Список использованной литературы.....	119

Вступление

Несмотря на все достижения эмансипации и кажущееся социальное равноправие полов в большинстве развитых

стран, проблема гендерного неравенства и сопутствующих ему негативных проявлений, является одной из актуальных – будь-то криминологические аспекты или вопросы сексуальных злоупотреблений, трудовой дискриминации, открытого или замаскированного психологического давления.

Женщина, ставшая жертвой или потенциально ею являющаяся, перестает быть полноценно функционирующей личностью, теряет самые ценные приобретения цивилизации – автономию, спонтанность, адекватную, устойчивую самооценку, возможность саморегуляции как своих телесных проявлений, так и психологического (волевого) вектора жизненного пути. Понятно, что управление, манипулирование ею, грубая эксплуатация ее ресурсов при этом становятся возможными и не встречают должного сопротивления.

Цель данной работы – проанализировать основные причины виктимизации современных женщин и отследить эмоционально-поведенческие паттерны, характерные для лиц женского пола, склонных к гипервиктимному поведению. В монографии представлена типологическая характеристика женщин с отягощенным виктимологическим анамнезом; систематизированы деструктивные личностные качества потенциальной жертвы, их связь с типом семейного сценария и перенесенными кризисными ситуациями. Даны рекомендации по системной профилактической работе, включающей как обучение матерей правильному, гармоничному воспитанию девочек, так и меры предупреждения повторной викти-

мизации женщин-потерпевших.

Глава 1

ПОНЯТИЕ ВИКТИМНОСТИ

ИСТОРИЯ ВИКТИМОЛОГИЧЕСКОГО УЧЕНИЯ

Слово «виктимность» пришло в мир психологии из глоссария криминалистики. Несмотря на давность его происхождения (более 70 лет), в научном пространстве СНГ о проблемах виктимности заговорили сравнительно недавно. Это связано с принципиальным неприятием советской ментальностью позиции жертвы, нежеланием признать, что в стране победившего социализма есть люди, потенциально могущие ею стать, с наивным оптимизмом того времени.

Человечество всегда задумывалось над тем, почему некоторая его часть (во все времена это соотношение менялось в зависимости от стиля эпохи) в трудных, экстремальных, объективно не способствующих выживанию, обстоятельствах, независимо от возраста и пола, сохраняла способность к действию, предпринимала попытки к спасению себя и других, стойко переносила длительные (часто – массовые, в масштабах целого этноса) стрессы, а другая – приобретала черты унылой покорности, позволявшей поработать и эксплуатировать её, не встречая должного сопротивления.

На основе огромного исторического опыта Гансом фон Гентигом (1888—1974) и Бенджамином Мендельсоном

(1900—1998) была предпринята попытка систематизации случаев превращения человека в жертву и создание теоретической базы виктимологии.

Виктимология – это учение о жертве, предметом исследования которого является жертва любого происхождения, как криминального, так и не связанного с преступлениями (в результате несчастных случаев, природных и техногенных катастроф, эпидемий, войн и иных вооруженных конфликтов, политических противостояний, а также различных видов насилия и аддиктивного поведения).

Время рождения этой науки датируется 1947—1948 гг., когда в криминологической периодике были впервые опубликованы разработанные ее основателями фундаментальные научные положения.

Целью виктимологии является всестороннее, полное, глубокое исследование личности жертвы, её роли в механизме конкретного преступления и виктимизации, т.е. процесса превращения в потерпевшего от преступления [1].

Задачей виктимологии является изучение лиц, побывавших в роли жертвы, а также тех, кто имеет предрасполагающие характеристики для того, чтобы стать непосредственной жертвой преступления; кроме того, виктимология решает задачу концентрации и осмысления в рамках единой концепции научной информации о личности потерпевшего [2].

Её источниками служат уголовное право, криминалистика, юридическая и клиническая психология, судебная меди-

цина и судебная психиатрия.

В 1948 году Гентиг опубликовал монографию «Преступник и его жертва. Исследование по социобиологии преступности», в которой он сформулировал и развил основные принципы изучения и классификации жертв преступления [3].

Гентиг выделил три категории понятий, составляющих предмет виктимологии: а) посягатель, б) латентная жертва, в) отношения между посягателем (причинителем вреда) и жертвой. Преступника и потерпевшего он рассматривал как субъектов взаимодополняющего партнерства. В ряде случаев жертва формирует, воспитывает преступника и завершает его становление; она молчаливо соглашается стать жертвой; кооперируется с преступником и провоцирует его.

В указанной монографии рассматриваются типичные ситуации и виды отношений, связанных с личностью и поведением жертвы; разновидности жертв, обладающих особой притягательностью для преступников (невозможностью к сопротивлению, бесполезностью для общества: старики, женщины, эмигранты («иноверцы»), национальные меньшинства, алкоголики, безработные, дети и др). В отдельные группы жертв Гентиг выделил «обезоруженных» (с нечистой совестью, совершивших преступление и потому не имеющих возможности сопротивляться вымогательству, шантажу, обратиться в правоохранительные органы) и, наоборот, «защищенных», т. е. богатых, верящих в свою гарантированную

безопасность. Выделял он также «мнимые» жертвы, жертвы с отягощенной наследственностью, потерпевших, склонных впоследствии стать преступниками, и др.

Наряду с Г. Гентигом, первооткрывателем проблемы жертвы на принципиально новом уровне, создателем виктимологии и автором ее названия является Б. Мендельсон. В отличие от Г. Гентига, который никогда не использовал этот термин и не выводил виктимологию за пределы криминологии, Б. Мендельсон рассматривал ее как самостоятельную научную дисциплину. В его работах содержатся многие основополагающие положения виктимологии:

а) рассматривается понятие «жертва» (называется пять групп жертв: совершенно невиновная («идеальная») жертва; жертва с легкой виной; жертва, равно виновная с посягателем; жертва более виновная, чем посягатель; исключительно виновная жертва);

б) вводятся понятия «уголовная чета» (дисгармоничное единство носителя агрессии и жертвы и, наоборот, гармоничное единство, как, например, бывает при криминальном аборте со смертельным исходом), «кандидат в жертвы», «добровольная жертва», «жертва-provokator», «жертва-агрессор», «индекс жертвенности» и др.

В 1975 году Б. Мендельсон опубликовал монографию «Общая виктимология», в которой развил свою концепцию виктимологии, связав ее с созданием «практической» виктимологии, в орбиту которой должны быть включены не толь-

ко жертвы преступлений, но и пострадавшие от природных катаклизмов, геноцида, этнических конфликтов и войн [4].

Работы Г. Гентинга и Б. Мендельсона активизировали научный поиск других ученых. В 1958 году М. Е. Вольфганг издал работу «Типы убийств», в которой, обобщив результаты многочисленных исследований, типизировал ситуации, складывающиеся при взаимодействии убийц с их жертвами. Пристальное внимание ученых вызвали и виктимологические аспекты таких преступлений, как мошенничество, разбойные нападения, истязания, хулиганство, изнасилования и некоторые другие.

В 1956 году Г. Шульц ввел понятие преступления на почве личных отношений между преступником и жертвой. По данным его исследований, между ними могут существовать различные связи по степени их близости и интенсивности. Преступник и его жертва могут быть знакомы лишь заочно, а могут и знать друг друга в лицо. Знакомство может быть поверхностным, основанным на совместном проживании по соседству, по работе. В других случаях, связь может возникнуть только непосредственно перед совершением преступления. Порой мимолетные, ни к чему не обязывающие социальные контакты могут перейти в более близкое знакомство, в дружбу. В данном подходе заложен принцип степени близости жертвы и преступника.

Швейцарский ученый Р. Гассер в книге «Виктимология. Критические размышления об одном новом криминологи-

ческом понятии» подробно изложил историю развития виктимологии, сформулировал новые теоретические положения, исследовал жертву на социологическом уровне (одинокая жертва, беженец, иностранный рабочий, жертва с особым семейно-брачным статусом, жертва большого скопления народа и др.). На психологическом уровне выделил пассивную, неосознанно активную, осознанно активную, правонарушающую жертву. На биологическом уровне рассмотрел и систематизировал физио— и психопатологические черты жертв, особенности их наследственности и причины многократного попадания в жизнеопасные ситуации.

В статьях польских авторов А. Бахраха «Криминологические и виктимологические аспекты автодорожных происшествий» (1956), Б. Холыста «Роль потерпевшего в генезисе убийства» (1956), А. Фриделя «Разбой в свете криминалистики и криминологии» (1974), Х. Канигонского и К. Степняка «Карманный вор и его жертва» (1991), С. Пикульского «Убийство из ревности» (1990) рассматриваются применительно к специфике исследуемых преступлений «виновные» и «невиновные» виктимогенные предрасположения жертвы (цит. по И.Г.Малкиной-Пых [5]). В 1990 году вышла в свет фундаментальная работа Б. Холыста по виктимологии, в которой с привлечением обширных социологических и психологических данных анализируется поведение жертвы преступления и ее роль в конкретной криминальной ситуации [6].

Практически все исследователи прошлого и нынешнего времени считают необходимым изучение конкретных условий, которые способствовали совершению преступления. Немецкий исследователь Г. Шнайдер отмечает, что не существует «прирожденных жертв» или «жертв от природы». Однако приобретенные человеком физические, психические и социальные черты и признаки (какие-то внешние и иные недостатки, неспособность к самозащите или недостаточная готовность к ней, особая телесная, психологическая или материальная привлекательность) могут сделать его предрасположенным к превращению в жертву преступления. Если он осознает свою повышенную виктимогенность, то может усвоить определенное поведение, позволяющее сопротивляться и справляться с этой угрозой. Виктимизация и криминализация, как отмечает Г. Шнайдер, иногда имеют одни и те же источники – исходные социальные условия [7].

Особое место в исследованиях предшественников современной виктимологии занимают работы Г. Клейнфелера о провоцировании преступления самой жертвой. Он считал, что в некоторых случаях необходимо смягчать ответственность преступника в зависимости от поведения жертвы, а иногда и совсем освободить его (преступника) от наказания.

Соединив концепции Гентига и Мендельсона, японский исследователь Миядзава выделил общую (зависящую от возраста, пола, рода деятельности, социального статуса и т. п.)

и специальную (зависящую от неустойчивости в психическом и психологическом плане, отставания в развитии интеллекта, эмоциональной неуравновешенности и т. п.) виктимность, исследовал связь между каждым из двух типов и преступностью. По его утверждению, при наложении обоих типов степень виктимности повышается [8].

Виктимологией стали интересоваться и психиатры: сначала судебные, а затем и клинические. Ими детально изучались «бессознательные» состояния, способные нарушать возможность потерпевшего оказывать сопротивление нарушителю. К ним относили широкий спектр патологических состояний, характеризующихся как полной утратой сознания, так и различными клиническими формами его помрачения. Наличие психической болезни стало предпосылкой для вывода о «беззащитности» потерпевшего.

С психоаналитических позиций, предрасположенность стать жертвой может быть объяснена бессознательным чувством вины или стыда и желания быть наказанным. Еще [Зигмунд Фрейд](#) обратил внимание на странную привычку одной своей пациентки гулять по пустырям в одиночестве. Выяснилось, что дама одновременно страшилась интимной близости и стремилась к ней. Поэтому ее бессознательно влекло туда, где эта близость могла принять форму совершенно не зависящего от нее события – изнасилования. Исследованиями психиатров доказано, что лица с психическими расстройствами нередко оказываются повышенно виктимными,

причем в формировании их виктимности в целом, и виктимного поведения, в частности, большое значение придается факторам, обусловленным психической патологией.

Виктимология в нашей стране начала развиваться только в конце 80-х гг. Выдающийся Л. В. Франк первым в СССР опубликовал труды по виктимологии. Им был введен в научный оборот термин **виктимогенность** — не только реализованная, но и потенциальная способность тех или иных лиц стать потерпевшими или, иными словами, неспособность избежать преступного посягательства там, где объективно это было возможно. При этом учёный имел в виду не усредненную, а именно повышенную способность стать жертвой в силу ряда субъективных обстоятельств [9].

Л. В. Франк, опираясь на разработки мировой виктимологической теории, с которой в СССР были практически незнакомы, сумел в своих трудах доказать и обосновать мнение о том, что виктимология является относительно самостоятельным научным направлением, имеющим теоретическую и прикладную ценность.

Автор предложил рассматривать четыре уровня виктимизации:

- 1) непосредственные жертвы, т. е. физические лица;
- 2) семьи;
- 3) коллективы, организации;
- 4) население районов, регионов.

Становясь жертвой, человек утрачивает значимые для

него ценности в результате воздействия на него другого человека (стороны взаимодействия), группы людей, определенных событий и обстоятельств. В отечественной виктимологии наряду с термином «жертва» изначально используется термин «потерпевший», что, в первую очередь, относится к жертвам криминальных преступлений.

В литературе часто используется термин «виктимное поведение», что, строго говоря, означает «поведение жертвы». Однако это понятие обычно используется для обозначения неправильного, неосторожного, аморального, провоцирующего и т. д. поведения. Виктимной нередко именуют и саму личность, имея в виду, что в силу своих психологических и социальных характеристик она может стать жертвой преступления.

Исходя из того, что типичное поведение людей в определенных ситуациях есть выражение их внутренней сущности, индивиды, склонные превращаться в жертву, испытывать на себе воздействие гнева, агрессии, патологического самоутверждения других людей, практически в любой, даже не имеющей признаков жизнеопасности, ситуации, легко превращаются в мишень для насмешек, демонстрации силы и превосходства лиц, объективно не обладающих весомыми преимуществами.

Каждый человек живет и действует в условиях определенной социальной системы, выполняя множество различных ролей, представляющих динамическое выражение его

социальных позиций и статусов. Специфика потерпевшего от преступления (жертвы) как социально-психологического типа заключается в том, что он является носителем внутренних психологических причин виктимного поведения, которые при определенных внешних обстоятельствах могут реализоваться в таком поведении на основе как негативных, так и положительных мотивов.

Классификация жертв. В настоящее время существует несколько предложенных отечественными исследователями типологий жертв преступлений. Однако до сих пор не разработано единой, общепризнанной классификации. Так, например, В. С. Минская, классифицируя формы поведения жертвы, отмечает, что в большинстве случаев насильственных преступлений поведение потерпевшего являлось, по существу, провокацией этих деяний. В проведенных автором исследованиях убийств и причинения телесных повреждений вследствие отрицательного поведения потерпевших установлено, что непосредственно перед совершением преступления между потерпевшим и преступником в подавляющем большинстве случаев (95%) происходила ссора [10].

В. С. Минская приводит классификацию, основанную на поведении потерпевших непосредственно перед преступлением или в момент его совершения:

- физическое насилие;
- оскорбление;
- видимая готовность применения физического насилия;

- психическое насилие – угроза физическим насилием, уничтожением или повреждением имущества виновному;
- необоснованный отказ оплатить бытовые услуги, освободить жилище;
- насильственное изгнание субъекта из его жилища;
- необоснованные имущественные притязания потерпевшего;
- кража.

Исследовав роль потерпевшего в генезисе убийства, Б. Холыст классифицировал потерпевших, предрасположенных к этой роли, в зависимости от характера их поведения и наклонностей. К группе с «невиновным предрасположением» он отнес широкий круг лиц, которые становятся жертвами убийств из-за специфического профессионального (кассиры, водители такси, продавцы, сотрудники милиции и т. д.) или экономического положения, а также случайно встречаемых лиц, «подвернувшихся под руку» в благоприятных для преступления обстоятельствах.

Виктимность – важное социально-психологическое свойство человека, обусловленное его социальными, психологическими или биофизическими качествами (либо их совокупностью), способствующее в определенной жизненной ситуации формированию условий, при которых возникает возможность причинения ему вреда противоправными действиями. Иначе говоря, виктимность конкретного индивида представляет собой его потенциальную способность оказывать

ся в роли жертвы преступления в результате отрицательного взаимодействия его личностных качеств с внешними факторами. Преступлением лишь реализуется такое свойство, объективируется данная способность.

Индивидуальная виктимность, следовательно, складывается из личностного и ситуационного компонентов, причем качественная характеристика первого находится в системной зависимости от второго.

Личностный компонент индивидуальной виктимности – это способность стать жертвой в силу определенных, присущих индивиду субъективных качеств. Повышенная степень уязвимости за счет личностного компонента виктимности вытекает из наличия соответствующих виктимных предрасположений, т. е. социальных, психологических, психофизиологических качеств, повышающих незащищенность, доступность к различным воздействиям данного индивида и проявляющихся в большей мере активно.

Виктимность характеризуется и таким качественным параметром, как универсальность, т. е. возможность реализации в ситуациях более или менее широкого круга преступлений. В этом плане виктимность проявляется как общая и специальная (или избирательная) характеристики человека. Эти характеристики не выражают степени уязвимости человека (повышенная, средняя, пониженная виктимность). Они лишь представляют максимально полный для данного человека «набор» общих и специальных виктимных по-

тенций, каждая из которых может проявляться в различной (от минимальной до самой высокой) степени.

С определенной долей условности принято выделять психологические аспекты виктимности (специальную виктимность) и виктимность общую, связанную с полом, возрастом, социальной ролью и социальным статусом жертвы. Достаточно сложно провести конструктивное разделение между этими двумя видами виктимности. Например, в ряде исследований установлено, что:

- жертву убийства характеризуют неосмотрительность, чрезмерная рискованность, конфликтность, склонность к агрессии, эгоцентризм, злоупотребление спиртным, зачастую жертва знакома с преступником;

- жертвы изнасилований часто неразборчивы в знакомствах, эксцентричны, или, наоборот, нерешительны, личностно незрелы, не имеют опыта половых отношений, инфантильны;

- жертвы истязаний в большинстве случаев знакомы с преступником и находятся в той или иной зависимости от него (жена, сожительница, ребенок, мать); по характеру они часто слабовольны и не имеют устойчивых жизненных позиций, сформированных интересов, порой ведут аморальный образ жизни, нередко их социальный статус выше статуса истязателя;

- жертвы мошенников чрезмерно доверчивы, некомпетентны, легковверны, в ряде случаев жадны или испытывают

материальные трудности, нередко суеверны [11].

Перечисленные, преимущественно психологические, качества жертв преступлений, так или иначе, связаны с признаками, относящимися к общей виктимности. Поэтому выделение отдельных психологических качеств жертв – чрезвычайно важная и сложная задача виктимологического анализа.

В своих исследованиях В.А.Туляков выделяет два конститутивных типа виктимности:

- личностную (как объективно существующее у человека качество, выражающееся в субъективной способности некоторых индивидуумов, в силу образовавшейся у них совокупности психологических свойств, становиться жертвами определенного вида преступлений в условиях, когда имела реальная и очевидная для обыденного сознания возможность избежать этого);

- ролевую (как объективно существующую в данных условиях жизнедеятельности характеристику некоторых социальных ролей, выражающуюся в опасности для лиц, их исполняющих, независимо от своих личностных качеств, подвергнуться определенному виду преступных посягательств лишь в силу исполнения такой роли) [12].

Таким образом, виктимность как отклонение от норм безопасного поведения, реализуется в совокупности социальных (статусные характеристики ролевых жертв и поведенческие отклонения от норм индивидуальной и коллектив-

ной безопасности), психических (патологические когниции в отношении личной безопасности, страх перед преступностью, нарушение волевого компонента поведения) и моральных (интериоризация виктимогенных норм, правил поведения виктимной и преступной субкультуры, философия «всепрощенчества», утрированное христианство) проявлений.

Выдающийся японский виктимолог К. Миядзава выделял как общую виктимность, зависящую от социальных, ролевых и гендерных характеристик жертвы, так и специальную, реализующуюся в установках, свойствах и атрибуциях личности. Причем, по утверждению К. Миядзавы, при наслоении этих двух типов друг на друга виктимность увеличивается [8].

Виктимность может проявляться в двух основных формах:

1. эвентуальная (от латинского *eventus* – случай) виктимность;
2. децидивная (от латинского *decido* – решение) виктимность [12].

Эвентуальная виктимность (виктимность в потенции), означающая возможность при случае, при известных обстоятельствах, при определенной ситуации стать жертвой преступления, включает в себя причинно обусловленные и причинно сообразные девиации. Естественно, что характеристики эвентуальной виктимности в основном определяются частотой виктимизации определенных слоев и групп насе-

ния и закономерностями, присущими такой виктимизации.

Децидивная виктимность (виктимность в действии), охватывающая стадии подготовки и принятия виктимогенного решения, да и саму виктимную активность, соответственно, включает в себя целесообразные и целеобусловленные девиации, служащие катализатором преступления.

По мнению сексолога-криминалиста Б. Л. Гульмана, люди, которые сознательно или бессознательно выбирают роль жертвы, имеют некоторые общие черты:

- установку на демонстрацию беспомощности в критической ситуации;
- нежелание менять неблагоприятные аспекты жизни;
- постоянное обращение за помощью к другим лицам;
- низкую самооценку;
- робость, нерешительность;
- быстрое усвоение виктимных стереотипов от близкого окружения [13].

Такие лица постоянно оказываются в потенциально опасных ситуациях; подсознательно они настроены на получение как можно более тяжелых физических и психологических травм – для возможности вызывания сочувствия у окружающих и, как следствие, материальной и психологической помощи.

Например, классический портрет жертвы сексуального насилия включает черты фатализма, робость и внутреннюю напряженность, скромность, неуверенность в себе

и высокую внушаемость. Гульман отмечает, что большинство ($72\pm 6\%$) потерпевших являлись случайными жертвами и не провоцировали преступников, причем $27\pm 6\%$ из них оказывали решительное сопротивление, несмотря на внезапность нападения и чувство страха, остальные по этим причинам не сопротивлялись насилию. Сознательно провоцировали мужчин с надеждой в последний момент не допустить изнасилования $15\pm 4\%$ женщин; $12\pm 4\%$ неосознанно провоцировали преступников (легко знакомились, флиртовали, вели разговоры на сексуальные темы). Среди пострадавших $15\pm 4\%$ были внушаемы, $29\pm 5\%$ после изнасилования требовали денежной компенсации, а $3\pm 2\%$ – женитьбы; в основном по этим причинам $36\pm 6\%$ женщин заявили о преступлении в правоохранительные органы через 1—2 недели после изнасилования, молодые девушки – чаще по настоянию родителей.

Таким образом, проведенное автором исследование показало, что в довольно значительном числе случаев – $28\pm 6\%$, изнасилование было спровоцировано неправильным поведением женщин либо совершению преступления способствовали особенности личности жертв, их неспособность противостоять насилию.

Рассматривая виктимность как психическую и социально-психологическую девиации (семейные, групповые и этнические формы патологической виктимности, коллективный страх перед преступностью), следует отметить особую

роль именно феномена коллективного страха, как основной ее формы, присущей большой численности населения нашей планеты, и практически не подлежащей критическому переосмыслению и коррекции.

Рассматривая этот феномен, Ф. Риман видел в нем подсознательную реализацию противоречия между стремлением каждого человека к стабильному существованию, безопасному будущему и тяге к изменениям, потребности в новом опыте. Он утверждал, что в основном страхи, которые являются органической составляющей нашего бытия как биологических и социальных существ, напрямую связаны с телесным, психическим и духовным развитием, с овладением различными социальными функциями при интеграции в общество. Страх сопровождает человека всякий раз, когда он пересекает привычные границы своего существования и делает шаг в сторону нового, непознанного.

Такой страх может проявляться как в форме опасения попадания в определенные ситуации (ночная прогулка, незнакомый город, вынужденное одиночество), или в отношении отдельных лиц (преступник, насильник, незнакомая особь мужского пола), так и в виде генерализованного состояния ожидания опасности (охватывая широкий круг коллективного бессознательного).

Опыт общества, в котором живет человек, формирует у него комплекс специфических для данного этноса страхов, основанных на трагических событиях из народного про-

шлого и прогнозировании будущих катастроф, роста преступности, экономических проблем, исходя из искусственно сконструированных, логично необоснованных, эмоционально окрашенных сообщений СМИ.

Эти страхи напрямую связаны с нашими внутренними установками, физическим и психологическим самочувствием, системой ценностей и опытом социального общения. По Ф. Риману, основными видами таких страхов являются:

- страх перед необходимостью самоутверждения, который воспринимается как незащищенность перед обществом;
- страх «потеряться в толпе»;
- страх перед вынужденными изменениями, которые воспринимаются как потеря удобных стереотипов и неуверенность в себе;
- страх перед необходимостью принимать важные решения.

Страх перед преступностью, в отличие от элементарных правил предосторожности, основывается на иррациональное основе, и приводит, как минимум, к остановке в социальном процессе и сужению круга общения.

Широкую трактовку понятия потерпевшего в уголовном праве дает Д. Б. Булгаков. По его мнению, в круг потерпевших следует включить следующие категории лиц:

- родственники и близкие убитого;
- родственники и близкие потерпевшего от особо тяжкого преступления;

– лица (за исключением преступников), которым причинён вред в результате действий лица в состоянии необходимой обороны или крайней необходимости, либо при наличии иных обстоятельств, исключающих преступность деяния;

– лица, которым причинён вред в результате действий лица в состоянии невменяемости [11].

В. Я. Рыбальская признавала степень виктимности основным критерием типологизации, что дает возможность обособить несколько типов жертв:

1. Случайная жертва. При отсутствии виктимогенных признаков или когда они незначительны, лицо становится жертвой в результате стечения обстоятельств (случайное попадание в то место и время, где сконцентрированы потенциальные жертвы, или попадание в место и время, где стихийно возник конфликт, к которому жертва не имеет никакого отношения). В большинстве случаев взаимоотношения между будущей жертвой и преступником возникают ситуативно, непосредственно перед совершением преступления. Возникшие взаимоотношения, в принципе, не зависят ни от воли и желания жертвы, ни от воли и желания преступника.

2. Жертва с незначительным потенциалом риска, живущая в нормальных для всех людей рамках возможного риска, виктимность которой возросла непредвиденно, под влиянием конкретной неблагоприятной ситуации. К этой группе может быть отнесена большая часть людей, если

только они не попадают в условия, которые делают их случайными жертвами.

3. Жертва с повышенным потенциалом риска, в отношении которой действует целый комплекс факторов риска. К этой группе относятся два основных типа жертв:

а) жертвы неосторожных преступлений – характер выполняемой ими работы или их поведение, как, например, участников движения по улицам и дорогам, таит более высокую, чем обычная, виктимность;

б) жертвы умышленных преступлений, социальный статус которых или выполняемые ими социальные роли содержат повышенный риск виктимности (работники силовых структур или представители общественности, на которых возложены функции по охране общественного порядка и безопасности на определенных объектах). Жертвами данного типа могут быть и лица, виктимность которых возросла в результате конкретных взаимоотношений между будущей жертвой и преступником и эвентуально – третьих лиц, породивших конфликтную ситуацию.

4. Жертва с очень большим потенциалом риска, нравственно-социальная деформация которой не отличает ее от некоторых ярко выраженных правонарушителей. Она характеризуется стойкой асоциальностью или антисоциальностью: неучастием в общественно полезном труде, проституцией, наркоманией, гомосексуализмом, незаконной торговлей и др.

Многие из них обычно бывали ранее осуждены за различные преступления. Особенное положение в этой группе занимают «воры в законе», «преступные авторитеты» [14].

Различные типы поведения жертвы позволяют увидеть широкий спектр ее ролей. Так, можно отличать совершенно невиновную жертву от жертвы по

незнанию, от добровольной жертвы, от жертвы по неосторожности, от человека, ставшего жертвой в результате собственной провокации, первым совершившего нападение, стимулирующего преступление и от мнимой жертвы.

А. А. Гаджиева предполагает, что при установлении в виктимологии критериев типизации, следует серьезно учитывать социальные, нравственные, эстетические и психические особенности жертвы и ее поведения. На этой основе ею была предложена следующая типология потерпевших:

- потерпевшие, не способные сами адекватно оценить виктимность ситуации, предшествующей преступлению. К ним можно отнести детей и лиц с психическими отклонениями. Эта категория людей практически беззащитна перед преступными посягательствами, если они оказываются вне сферы влияния лиц, призванных контролировать их поведение и защищать их;

- потерпевшие, способные сами адекватно оценить опасность ситуации, предшествующей преступлению, но в силу того, что преступник является их знакомым или родствен-

ником, не строящие предположения о наступлении криминальных последствий;

- потерпевшие, способные сами адекватно оценить виктимность ситуации, предшествующей преступлению, но по тем или иным соображениям пренебрегшие мерами личной безопасности. Сюда относятся в первую очередь женщины, чьи маршруты передвижения пролегали по безлюдным местам, в поздние вечерние часы без сопровождения и т. д.;

- потерпевшие, находившиеся в своих домах, чаще всего в сельской местности, и подвергшиеся там нападениям, которые иногда сопровождаются ограблением жертв либо, напротив, вначале совершается разбой, который перерастает в изнасилование и последующее убийство;

- потерпевшие, чья виктимность обусловлена определенным родом занятий (политики, бизнесмены, сторожа, инкасаторы и пр.), обычно предпринимающие меры безопасности;

- потерпевшие, которые спровоцировали посягательство положительным поведением (заступались за своих близких, реагировали на противоправное или аморальное поведение);

- лица, которых устранили в связи с особым процессуальным статусом (свидетели и потерпевшие, которые могли дать показания против обвиняемого или подозреваемого, либо их близкие), а также лица, смерть которых позволяла кому-либо приобрести имущественные выгоды (вступить в наслед-

ство, стать единственным собственником жилья и пр.);
– потерпевшие, являющиеся членами преступных групп [15].

Безусловно, с каждой новой эпохой, имеющей свои социокультуральные особенности, классификация и типология жертв несколько видоизменяются и нуждаются в дальнейшей переработке, установлении критериев, определяющих роль жертвы в различных юридически значимых ситуациях, что требует совместных усилий криминологов, психиатров, психологов и представителей других смежных специальностей.

Разработка виктимологической типологии непосредственно связана с решением практических задач по борьбе с преступностью и ограничением виктимизации в обществе. Определение вида жертвы (составление «психологического портрета») облегчает их выявление и возможность проведения с ними коллективной или индивидуальной профилактической работы.

Как свидетельствует статистика, женщины в 4 раза чаще мужчин становятся жертвами бытового, криминального, религиозного и экономического насилия. Характеризуя процесс виктимизации женщин на индивидуальном уровне, мы можем процитировать слова известного криминалиста З. А. Астемирова: «На уровне индивида процесс виктимизации происходит на микросоциальных уровнях и связан с адаптацией его в реальных социальных условиях, с его об-

разом жизни и отношением к правилам общежития, обретением нравственно-психологической устойчивости и материального благополучия».

Необходимыми компонентами виктимизации на индивидуальном уровне являются виктимность как устойчивая констелляция свойств отдельной личности, и виктимогенная ситуация – взаимодействие между носителем этих качеств и преступником, что и определяет результат виктимизации индивида.

В зависимости от уровня взаимодействия преступности и виктимности, его продолжительности и объектно-субъектных связей, выделяются следующие виды виктимизации: первичная, вторичная, третичная и рецидивная (повторная).

Под первичной виктимизацией понимается причинение материального, физического, морального и иного вреда жертве непосредственно в процессе совершения преступления.

Вторичная виктимизация охватывает случаи косвенного причинения

вреда жертве, связанного с отношением к ней социальной общности в целом, лиц из ближайшего окружения, правоохранительных органов, медиков и представителей больничного персонала, работающего с жертвами. Предубежденность в отношении жертвы, грубое, невнимательное обращение и негативное отношение к ней как к лицу, чем-то запятнавшему себя, унижение ее чести и достоинства составляют

перечень типичных форм вторичной виктимизации.

Третичная виктимизация жертвы преступления проявляется не только в неправомерном её использовании представителями правоохранительных органов и работниками средств массовой информации в своих целях, но и в причинении или угрозе причинения вреда жертве, в связи ее участием в уголовном судопроизводстве.

Под рецидивной виктимизацией понимается повторное причинение вреда данной жертве в ситуации, не связанной с предыдущим преступлением.

Следует помнить, что виктимизация поражает сферу «самости» жертвы. Включенными здесь являются не столько индифферентные ее качества или зона личностной уязвимости, сколько внутренний, аутентичный мир жертвы и иных лиц, тесным образом связанных с ней.

Глава 2

НЕПРАВИЛЬНОЕ ВОСПИТАНИЕ ДЕВОЧЕК

КАК ПРЕДИКТОР ИХ ВИКТИМИЗАЦИИ

Известно, что особенности раннего детства, специфика протекания психосексуальных этапов развития, наличие фиксации на определенном этапе, обуславливают формирование характера человека.

Характер, в узком смысле слова – репертуар типичных паттернов поведения, устойчивый, во многом неосознаваемый, способ реагирования на других людей и внешние обстоятельства.

В основе психодинамических концепций развития лежит выдвинутое З. Фрейдом предположение о том, что основные характеристики личности, ее базовая структура формируются в раннем детском возрасте, сохраняясь практически неизменными на протяжении всей последующей жизни. При этом отношение к людям, окружающим ребенка с момента рождения – в первую очередь, к родителям – впоследствии проецируется, переносится на других людей, определяя тем самым его адаптацию в социуме, семейные отношения и собственное родительство.

Хотя большинство психоаналитических концептов Фрейда сейчас рассматриваются с позиций мультифакторности генезиса становления личности, психологи всего мира единодушно признают справедливость трех его теоретических

положений:

- 1) существующие психологические проблемы являются отражением своих младенческих предшественников;
- 2) взаимодействия в ранние годы создают шаблон для более позднего восприятия жизненного опыта, и мы бессознательно понимаем его в соответствии с категориями, которые были важны в детстве;
- 3) идентификация уровня развития личности – это кардинально важная часть понимания характера человека.

В психоаналитической теории развития продолжают оставаться все те же три фазы инфантильной психологической организации:

- первый год и половина второго года жизни (оральная фаза по Фрейду);
- промежуток от полутора-двух лет до трех лет жизни (анальная фаза по Фрейду);
- время между тремя-четырьмя и примерно шестью годами жизни (эдипова, или фаллическая фаза по Фрейду).

У женщин с повышенной виктимностью обнаруживается типичная модель поведения, характерная более для ребенка, чем для взрослого человека. При этом общие характеристики виктимности выглядят следующим образом:

- трудность в принятии решений, неуверенность в их правильности, «душевные метания»;
- стремление опереться на совет, поддержку других людей, создание ситуаций, когда решение за них принимает

кто-то другой;

- исполнение неприятных для них, но необходимых для других обязанностей;

- сохранение деструктивных взаимоотношений из страха быть покинутыми;

- беспомощность в ответ на критику и неодобрение, поиск инфантильных оправданий;

- нечеткая граница Я, неумение прервать нежелательную интервенцию в личное пространство;

- подавленные эмоции прорываются в виде запоздалой злости и агрессивности, оставляя после себя чувство вины и стыда;

- зависимость от оценки окружающих;

- боязнь одиночества;

- отсутствие чувства внутренней значимости;

- отношения «прилипания» к другому, без которого они не могут выжить;

- стремление угадать желания окружающих и удовлетворить их, знать и чувствовать, что нравится, и что не нравится другим;

- проявление заботы об окружающих, роль «мученика»;

- ответственность за чувства других, за содержание их мыслей, за их жизнь;

- слабо выраженная духовность, приземленность, бытовой уровень логики.

Выраженность «симптомов» виктимности может коле-

баться от слабой до значительной степени, так же как и в любой дисфункциональной модели поведения. Формирование очерченного, узнаваемого по нескольким критериям, комплекса повышенной виктимности, приходится на подростковый возраст.

Известный исследователь подросткового возраста, Э. Шпрангер в своей культурно-психологической концепции определил подростковый возраст как период вхождения в культуру: по сути, это вхождение индивидуальной психики в объективный и нормативный дух данной эпохи. Содержанием кризиса в этом возрасте является освобождение от детской зависимости. По Шпрангеру, главные новообразования подросткового возраста – открытие «Я», возникновение рефлексии, осознание своей индивидуальности. Первые сексуальные переживания сопряжены со страхом перед чем-то тайным и незнакомым и чувством стыда, что вызывает дискомфорт и чувство неполноценности, а впоследствии может проявляться в страхе перед миром и перед людьми, вплоть до враждебности [16].

Ш. Бюлер, рассматривая пубертатный период с биологической точки зрения, выявила специфические психические явления, связанные с созреванием особой биологической потребности – потребности в дополнении, которая побуждает к поискам и сближению с существом другого пола. Бюлер отметила основные черты негативной фазы этого процесса: повышенная чувствительность и раздражительность, беспо-

койное и легковозбудимое состояние; физическое и душевное недомогание (драчливость и капризы); перенос неудовлетворенности собой на окружающий мир. Непослушание, занятие запрещенными делами обладает в этот период особой притягательной силой. Не дают покоя чувства одиночества, чужеродности, непонятости. Снижается работоспособность, растет изоляция от окружающих или открытое проявление враждебности, совершаются разного рода асоциальные поступки. Ш. Бюлер предпринята попытка рассмотреть пубертатный период в единстве органического созревания и психического развития [17].

В. Штерн описал подростковый возраст как промежуточный между детской игрой и серьезной ответственной деятельностью взрослого. По Штерну, тип человеческой личности обуславливают переживаемые ценности. В концепции Ж. Пиаже, в подростковом возрасте осуществляется «последняя фундаментальная децентрация – ребенок освобождается от конкретной привязанности к данным в поле восприятия объектам и начинает рассматривать мир с точки зрения того, как его можно изменить». Согласно Ж. Пиаже в этом возрасте окончательно формируется личность, строится программа жизни.

Э. Эриксон в своей эпигенетической теории определил подростковый период как кризис идентичности, то есть формирование новой идентичности (поиск ответа на вопрос «кто я в различных жизненных и социальных ситуациях?»)

и сведения всех этих ролей во внутренне непротиворечивый комплекс) в противовес ролевой неопределенности детского личностного Я. Формирование идентичности, по Эриксону, есть процесс самоопределения. Идентичность (тождественность) может быть понята в двух измерениях – временном и ситуативно-ролевом. Во временном измерении идентичность обеспечивает преемственность, связь прошлого, настоящего и будущего. В ситуативно-ролевом – составляет центральное образование, удерживающее в единстве многие ситуации и роли, в которых выступает человек. Тот, кто сформировал идентичность, оказывается самотождественным, он остается самим собой независимо от ситуации, он адекватен ей, не теряя при этом своего лица.

К важнейшим конфликтам этого возраста относятся следующие.

Диффузия идентичности: кратковременная или длительная неспособность Я сформировать идентичность. Такие молодые люди не могут выработать свои ценности, цели и идеалы; сталкиваясь с проблемами развития, они не в состоянии завершить психосоциальное самоопределение. Они избегают адекватных для их возраста требований и возвращаются на более раннюю ступень развития, в известной степени оправдывающую их неправильное поведение.

Диффузия времени: нарушение чувства времени, проявляющееся двояким образом. Либо возникает ощущение жесточайшего цейтнота, либо человек чувствует себя одновре-

менно молодым и старым. Нередко с диффузией связаны страх или желание смерти.

Застой в работе: нарушение естественной работоспособности, в большинстве случаев сопровождающееся диффузией идентичности. Подростки либо неспособны сосредоточиться на необходимых и соответствующих их возрасту задачах, либо чрезмерно поглощены бесполезными для дальнейшего развития вещами в ущерб всем остальным занятиям.

Отрицательная идентичность проявляется прежде всего в отрицании всех свойств и ролей, которые в норме способствуют формированию идентичности (семейные роли и привычки, профессиональные, полоролевые стереотипы и т. д.).

Позже проблема идентичности исследовалась многими авторами. Наиболее известны работы Дж. Марсиа, который выделил четыре основных варианта, или состояния формирования идентичности, получивших название статусов идентичности.

1. *Предрешенность* – принятие на себя обязательств, не проходя через кризис идентичности. Так можно охарактеризовать статус идентичности тех людей, которым в силу внешних обстоятельств рано пришлось принять на себя преждевременную взрослость («дети, лишённые детства»).

2. *Диффузия идентичности* – состояние избегания решений, отказ от поиска собственной идентичности, своеобразное продление детства.

3. Мораторий – период построения своей идентичности, состояние поиска ответов на вопросы «кто я, какой я?».

4. Достижение идентичности – благополучное завершение кризиса идентичности, возникновение новой самостойчивости.

Выделяются следующие особенности подросткового периода, которые являются группой факторов риска в формировании виктимного поведения:

- повышенный эгоцентризм;
- тяга к сопротивлению, упрямству, протестные реакции;
- амбивалентность и парадоксальность характера;
- стремление к неизвестному, рискованному;
- обостренная страсть к взрослению;
- стремление к независимости и отрыву от семьи;
- незрелость нравственных убеждений;
- болезненное реагирование на пубертатные изменения и неспособность принять свою формирующуюся сексуальность;
- склонность преувеличивать степень сложности проблем;
- кризис идентичности;
- деперсонализация и дереализация в восприятии себя и окружающего мира;
- негативная или несформированная Я-концепция;
- гипертрофированные поведенческие реакции (эмансипации, группирования, имитации), странные увлечения;

- низкая фрустрационная толерантность;
- преобладание пассивных копинг-стратегий в преодолении стрессовых ситуаций.

С. Куперсмит обнаружил четыре компонента, необходимые для формирования положительной самооценки у детей.

- Принятие ребенка взрослыми, родителями, учителями и другими авторитетными лицами. Это помогает укреплять связи и создает ощущение того, что тебя ценят.

- Четко определенные и регламентированные запреты. Их должно быть как можно меньше – это помогает установить равновесие между экспериментированием и стремлением к безопасности, расследованием и посягательством на права ребенка, ассертивным и пассивным или агрессивным поведением ребенка.

- Уважение со стороны взрослых к ребенку как личности. Важно, чтобы потребности и желания ребенка воспринимались серьезно. Это позволяет ребенку иметь психологическое пространство для взросления, самостоятельности и автономности (отделения).

- Родители и другие взрослые с высокой самооценкой в качестве образца для подражания. Детям необходимы образцы, по которым они учатся жить. Кроме того, взрослые с высокой самооценкой в большей степени способны принять ребенка, определять и соблюдать ограничения и уважать в ребенке личность [18].

По мнению М. Малер (1986), для того чтобы процесс раз-

вития психологической автономности человека завершился успешно, нужно, чтобы оба его родителя были достаточно грамотны и каждый из них имел хорошо развитую психологическую автономность, чтобы помочь ребенку отделиться. Для того чтобы ребенок смог успешно пройти второе рождение, родителям необходимо:

- иметь надежную связь с ребенком;
- воспринимать ребенка таким, какой он (она) есть, а не таким, каким бы им хотелось его видеть;
- не запрещать ему открыто выражать свои чувства, признавать и понимать эти чувства, а также потребности ребенка в их раскрытии;
- помогать и поощрять действия ребенка, направленные на здоровое исследование окружающего мира, пользуясь словом «да» в два раза чаще, чем словом «нет»;
- обеспечить безопасность непосредственного окружения для того, чтобы ребенок мог эффективно познавать окружающий мир, позволить ему исследовать этот мир;
- поощрять выражение независимых мыслей, чувств и действий в соответствии с возрастом ребенка;
- быть способным выразить понимание, поддержку и обеспечить воспитание, когда ребенку это понадобится;
- демонстрировать эффективную психологическую независимость, спрашивая ребенка прямо, чего он хочет, открыто выражая ему собственные чувства, определяя и прямо указывая на то, чего вы добиваетесь – быть примером для

ребенка;

- определять, что вы запрещаете делать ребенку, и прямо говорить, почему, а не прибегать к силовым методам. Опыт показывает, что маленькие дети обучаются правильному поведению, наблюдая за поведением окружающих людей.

Основными факторами виктимизации детей в рамках семейной структуры являются следующие.

1. Факторы, связанные с психическими особенностями родителей, влияющими на эмоциональное становление ребенка. Сюда относится специфика взаимодействия родителей с детьми, основанная на нарушениях эмоционально-психологического статуса родителя:

- гиперопека матери, основанная на тревожности и чувстве одиночества, ведущая к формированию у ребенка неуверенности в своих силах, беспокойства, неадекватной оценки происходящего;

- нервные срывы в виде крика, физического наказания, жестокого обращения, бесчисленных замечаний и критики, компенсирующих нервное напряжение родителей, их неудовлетворенность собственной жизнью;

- психопатология родителей, приводящая к искажению межличностных интеракций, жестокому психологическому, а зачастую и физическому обращению с детьми;

- эмоциональные нарушения организации семьи (аффективность, приводящая к хаосу в доме и чрезвычайному чувству вины; тревожность в отношениях, привязывающая де-

тей; недостаточная эмоциональная отзывчивость, депривующая психику ребенка);

– определенные личностные особенности матерей (депрессия, низкая самооценка, жертвенность, нарциссизм, импульсивность, нестабильность настроения), которые через механизм идентификации приводят к формированию характерного стиля личностного реагирования ребенка.

2. Факторы, связанные с объективным состоянием социально-экономического статуса семьи. Сюда будут отнесены:

– низкий социально-экономический статус семьи, жизненная неустроенность, экономическая нестабильность, что приводит к виктимизации в семье, а в подростковом возрасте – к дополнительной виктимизации в рамках подростковой субкультуры;

– неполная семья, отсутствие необходимой социальной поддержки, приводящее к невротизации и социальной изоляции матери, проецирующей свои чувства на детей в виде жестокого обращения или глубокого чувства вины;

– чрезвычайно молодой возраст родителей, сопровождающийся финансовой неустроенностью, низким уровнем образования и неадекватными знаниями о ребенке, что приводит к игнорированию потребностей ребенка, его отчуждению, эмоциональной депривации и виктимизации.

3. Факторы, связанные с нормами и стилем семейного воспитания. К этой категории относится следующее:

– особенности стиля семейного воспитания, формирую-

щие виктимную личность;

- расхождение норм и ценностей семьи, абстрактность понятия морали;

- конфликты в семье, в том числе и супружеские сложности, увеличивающие риск инцестуальных отношений;

- алкоголизация одного или обоих родителей, приводящая к формированию созависимых отношений, заброшенности детей, подверженности brutalным отношениям.

Кроме того, выявлена зависимость между физическим насилием, инцестуальными случаями и алкоголизацией семьи.

В отечественной литературе предложена широкая классификация стилей семейного воспитания подростков с акцентуациями характера и психопатиями, а также указывается, какой тип родительского отношения способствует возникновению той или иной аномалии развития, в том числе и виктимности.

1. Гипопротекция: недостаток опеки и контроля за поведением, доходящий иногда до полной безнадзорности; чаще проявляется как недостаток внимания и заботы к физическому и духовному благополучию подростка, делам, интересам, тревогам. Скрытая гипопротекция наблюдается при формально присутствующем контроле, но реальном недостатке тепла и заботы, невключенности в жизнь ребенка. Этот тип воспитания особенно неблагоприятен для подростков с акцентуациями по неустойчивому и конформному типам, провоцирует асоциальное поведение – побеги из дома,

бродажничество, праздный образ жизни. В основе этого типа психопатического развития может лежать фрустрация потребности в любви и принадлежности, эмоциональное отвержение подростка, невключение его в семейную общность.

2. Доминирующая гиперпротекция: обостренное внимание и забота о подростке сочетается с мелочным контролем, обилием ограничений и запретов, что усиливает несамостоятельность, безынициативность, нерешительность, неумение постоять за себя. У гипертимных подростков такое отношение родителей приводит к усилению реакции эмансипации, к бунту против родительских запретов и даже к уходу в асоциальную компанию, но на подростков с психастенической, сенситивной и астеноневротической акцентуацией доминирующая гиперпротекция оказывает иное действие – усиливает их астенические черты – несамостоятельность, неуверенность в себе, нерешительность, неумение постоять за себя.

3. Потворствующая гиперпротекция: воспитание по типу «кумир семьи», потакание всем желаниям ребенка, чрезмерное покровительство и обожание, результирующие непомерно высокий уровень притязаний подростка, безудержное стремление к лидерству и превосходству, сочетающееся с недостаточным упорством и опорой на собственные ресурсы. Такой стиль воспитания усиливает истероидную акцентуацию, способствует появлению истероидных черт при лабильной и гипертимной, реже – при шизоидной и эпилептоидной акцентуации. В последнем случае такой вид воспита-

ния превращает подростков в семейных тиранов, способных избивать родителей.

4. Эмоциональное отвержение: игнорирование потребностей подростка, нередко жестокое обращение с ним. Скрываемое эмоциональное отвержение проявляется в глобальном недовольстве ребенком, постоянном ощущении родителей, что он не «тот», не «такой», например, «недостаточно мужественный для своего возраста, все и всем прощает, по нему ходить можно». Иногда оно маскируется преувеличенной заботой и вниманием, но выдает себя раздражением, недостатком искренности в общении, бессознательным стремлением избежать тесных контактов, а при случае освободиться как-нибудь от обузы. Эмоциональное отвержение одинаково пагубно для всех детей, однако оно по-разному сказывается на их развитии: так, при гипертимной и эпилептоидной акцентуациях ярче выступают реакции протеста и эмансипации; истероиды утрируют детские реакции оппозиции, шизоиды замыкаются в себе, уходят в мир аутичных грез, неустойчивые находят отдушину в подростковых компаниях.

5. Повышенная моральная ответственность: не соответствующие возрасту и реальным возможностям ребенка требования бескомпромиссной честности, чувства долга, порядочности, возложение на подростка ответственности за жизнь и благополучие близких, настойчивые ожидания больших успехов в жизни – все это естественно соче-

тается с игнорированием реальных потребностей ребенка, его собственных интересов, недостаточным вниманием к его психофизическим особенностям. В условиях такого воспитания подростку насильственно приписывается статус «главы семьи» со всеми вытекающими отсюда требованиями заботы и опеки «мамы-ребенка». Подростки с психастенической и сенситивной акцентуациями, как правило, не выдерживают бремени непосильной ответственности, что приводит к образованию затяжных обсессивно-фобических невротических реакций или декомпенсации по психастеническому типу. У подростков с истероидной акцентуацией объект опеки вскоре начинает вызывать ненависть и агрессию, например, в отношении старшего ребенка к младшему.

6. Непрогнозируемые эмоциональные реакции: речь идет о родителях, склонных к неожиданным изменениям настроения и отношения к детям. Изменение отношения обусловлено внутренним состоянием родителей, особенностями их личности. Невозможность прогнозировать такие изменения имеет отрицательное влияние на детей, которые не знают, чего следует ожидать от родителей утром, после прихода из школы, прогулки. За один и тот же поступок можно быть наказанным и обласканным. Дети чувствуют себя неуверенно, они не ощущают родительской любви. Постепенно неуверенность в себе становится чертой характера, и в дальнейшем проецируется на отношения с другими людьми, которые воспринимаются на основе привычной родительской моде-

ли. В результате – конфликтные межличностные отношения, неверие в стабильность дружбы, брака и т. д.

7. Условия жестоких взаимоотношений: обычно сочетаются с эмоциональным отвержением. Жестокое отношение может проявляться как открыто – расправами над ребенком, так и полным пренебрежением его интересами, когда он вынужден рассчитывать только на себя, не надеясь на поддержку взрослых. Жестокое отношение может существовать в закрытых учебных заведениях (тирания вожаков), если работа воспитателей отличается формализмом. Воспитание в условиях жестоких взаимоотношений способствует усилению черт эпилептоидной акцентуации и развитию этих же черт на основе конформной акцентуации.

8. Противоречивое воспитание: в одной семье каждый из родителей, а тем более, бабушки и дедушки, могут придерживаться разных воспитательных стилей. Например, возможно эмоциональное отвержение со стороны родителей и потворствующая гиперпротекция со стороны бабушки.

9. Воспитание вне семьи: само по себе такое воспитание может быть полезным в подростковом возрасте, поскольку жизнь среди сверстников способствует развитию самостоятельности, выработке навыков социальной адаптации [19].

Таким образом, специфика взаимоотношений в семье, ее структура, особенности членов этой семьи, интеракций влияют на формирование личности ребенка, самооценки и оценки себя как жертвы, уровня виктимности, способов

поведения.

Люди с повышенной виктимностью часто происходят из семей, которые носят название дисфункциональных. Выделяют следующие виды дисфункциональных семейных структур:

- несбалансированные семейные структуры;
- структуры, несущие в себе аутсайдеров, то есть людей с низким социометрическим статусом. Например, один из детей рассматривается родителями как нелюбимый;
- структура, стабилизирующаяся на основе дисфункции одного из ее членов (такие структуры поляризованы по принципу: «здоровые члены семьи» – «козел отпущения» или «больной» член семьи);
- коалиции через поколения, которые помогают членам семьи, чувствующим слабость, справиться с теми, кто кажется им сильнее (коалиция позволяет ее членам совладать с низким самоуважением, уменьшить тревогу и контролировать третью сторону – например, когда бабушка (дедушка) образует коалицию с ребенком против родителей и т. д.);
- скрытая коалиция, когда ее наличие не признается членами семьи (обычно она возникает на основе совместного секрета через идентификацию двух членов семьи и часто выражается в подкреплении симптоматического поведения);
- перевернутая иерархия, когда по каким-либо причинам статус ребенка в семье выше, чем статус одного или обоих родителей (например, отец с дочерью могут вести себя как

супруги и относиться к матери и остальным членам семьи как к младшим, или когда один из родителей заболевает, и тогда ребенок может выступать в роли родителя по отношению к больному и остальным детям) [20].

Также особую роль играет сформированная с детских лет «выученная беспомощность» – система представлений о том, что внешний мир полон опасностей, неконтролируем и непредсказуем [21].

Выраженность выученной беспомощности и степень ее распространения на различные виды деятельности в настоящем и будущем определяется сочетанием психологических установок. Наиболее труднопреодолимые последствия связаны с установками, при которых причина беспомощности приписывается человеком своим личным качествам, воспринимающимся как неизменные и влияющие на все формы жизнедеятельности.

Кроме того, один человек может считать, что он терпит неудачу только здесь и сейчас, а другой может предполагать, что неудачи будут преследовать его в дальнейшем, причем не только в этой конкретной деятельности, но и в остальных.

Таким образом, обучение беспомощности происходит при наличии нескольких факторов:

- индивид не имеет предшествующего опыта решения сложных задач;
- у индивида сформирован недостаточный уровень потребности в поиске;

– индивид считает, что с данной задачей справится любой, равный ему (по физическим, психологическим и др. данным) человек, но не он сам;

– индивид длительное время сталкивается с ситуациями, когда он не видит четкой взаимосвязи между своими действиями и их последствиями.

Также понятно, почему неизменные и легкие удачи снижают устойчивость к выученной беспомощности – ведь при этом формируется 100%-й положительный прогноз, отпадает необходимость в поисковой активности, и она редуцируется. По той же причине постоянные поражения, преследующие с раннего детства, способствуют закреплению выученной беспомощности – формируется неизменный отрицательный прогноз и обесценивается поисковая активность. Напротив, чередование побед и поражений, как это обычно происходит в жизни, формирует неопределенный прогноз и ощущение зависимости результатов от собственных усилий, что способствует тренировке поисковой активности и «иммунизирует» к выученной беспомощности.

Выученная беспомощность и отказ от поисковой активности приводят к тому, что человек, попав в ситуацию жертвы, практически ничего не предпринимает для изменения этой сложившейся ситуации.

Также немалую роль (а иногда – и центральную) играет фабула семейного сценария, в которой роль женщины в данной семье всегда расписана довольно точно. Такие сцена-

рии имеют необыкновенную временную устойчивость, и сохраняют свою силу и моральное влияние подчас столетиями, никак не видоизменяясь в соответствии с историческим временем. В исследованиях, проведенных нами в течение 10 лет, у женщин с повышенной виктимностью наиболее часто встречались сценарии «Патриархальный» и «Домашний».

Модель поведения родителя своего пола ребенок запоминает с младенчества, усваивает, а повзрослев и создав собственную семью, автоматически воспроизводит. Но часто переносится не только модель поведения одного из родителей, а весь сценарий семьи. Каков бы он ни был, ребенком он воспринимается и откладывается на бессознательном уровне как естественный и единственно возможный. Потому взрослые люди повторяют поведение родителя своего пола, даже если в детстве, да и во взрослом возрасте, считали его неправильным: «Да, так вести себя нельзя (почему нельзя, понятно по проблемам, наблюдающимся в родительской семье), но как вести себя по-другому – непонятно!»

Никто в детстве не учил, как строить счастливую семью, как успешно решать конфликты, что значит быть хорошим мужем/женой, как правильно воспитывать детей и так далее. Зато родители все это показывали ребенку на своем примере. Другие примеры, хоть и существовали рядом (в семьях соседей, родственников, одноклассников), но не принимались как возможные.

К примеру, девочка в детстве не хотела быть как мама (излишне требовательная, или грубая, поглощенная бытом, скучная, «у подруг мамы лучше – весёлые, красивые»), но взрослея, находила себе мужа, похожего на папу, а потом все больше и больше начинала напоминать себе свою маму. Она просто не знала другой модели поведения и воспроизводила имеющуюся у нее модель неосознанно.

Вариант взаимоотношения родителей, ставший естественным, откладывается на бессознательном уровне в виде приоритетного способа мышления, общения и поведения в семье, стереотипов, традиций, семейных мифов. Всё это входит в структуру семейного сценария, по которому семья живёт (часто в нескольких поколениях), адаптируя к нему свои личностные характеристики, исторические реалии, «втискивая» в него новых членов семьи и собственных детей.

Консультативная практика показывает, что полностью отказаться от сценария родительской семьи не получится, позитивные его части оставлять следует. Ведь каждая семья, по-своему, имеет сильные стороны, наработанный поколениями коллективный опыт преодоления различных трудностей. Сохранять и поддерживать этот опыт помогают семейные мифы.

Семейный миф – это форма описания семейной идентичности, некая объединяющая всех членов семьи идея, или образ, или история, сотканная из проверенных временем убеж-

дений, идеология. Это знание, разделяемое всеми членами семейной системы и отвечающее на вопрос: «Кто мы?»

В мифе содержится символизированное знание о том, что принято, а что не принято в семье думать, делать и говорить, чувствовать, осуждать, ценить. Некий миф, описывающий семейную идентичность, существует в любой семье, но в обычных случаях это знание смутно, плохо структурировано, редко используется.

Миф, по нашему мнению, необходим в трёх случаях:

- когда границы семьи находятся под угрозой (посторонний человек входит в семью, меняется социальное окружение, грядут моменты серьезных исторических перемен);
- когда кто-то из членов семьи становится публичным лицом и его личная жизнь, история его семьи становятся достоянием широкой публики;
- когда человек обретает высокий уровень духовности и становится, как правило, мишенью пристального внимания и язвительной критики со стороны любопытствующих завистников.

Однако, семейный миф ярко проявляется и в случае семейной дисфункции. Жесткая семейная идентичность, выраженная в мифе, наряду с симптоматическим поведением идентифицированного члена семьи, самое мощное средство поддержания патологического гомеостаза семейной системы. Нередко именно миф ответствен за семейную дисфункцию, и пока он не будет выявлен и представлен наглядно

всем членам семьи, ничего не изменится.

Миф «Мы – дружная семья». Он широко распространен в постсоветской культурной среде. В дружной семье не может быть открытых конфликтов, и уж тем более – при детях. «Сор из избы» не выносится никогда. Отношения не выясняются, все конфликты тщательно скрываются от посторонних, да и среди своих подвергаются примитивному отрицанию. Внутренняя напряженность скапливается годами. Принято чувствовать только любовь, нежность, умиление, жалость и благодарность. Остальные чувства – обида, гнев, разочарование и пр. – игнорируются или вытесняются. Проблемы начинаются в тех случаях, когда кто-то из семьи оказывается неспособным сдерживать свои нормальные и неизбежные отрицательные чувства к родственникам. Он и становится идентифицированным пациентом. Тревожно-депрессивные расстройства, агрессивное поведение, анорексия – типичные проблемы «дружной семьи».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.